

С. М. Соловьёв

**История России с
древнейших времен. Том 9**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С. М. Соловьёв
С11 История России с древнейших времен. Том 9 / С. М. Соловьёв – М.: Книга по Требованию, 2021. – 514 с.

ISBN 978-5-4241-1463-2

"История России с древнейших времен", созданная знаменитым историком Сергеем Михайловичем Соловьёвым (1820-1879), не имеет себе равных в отечественной науке. Этот труд стал невиданным событием в российском обществе, явлением истинно мирового масштаба. На создание этого колоссального произведения ученый затратил долгих 30 лет неустанной ежедневной работы. И до сих пор никто не смог затмить славы С. М. Соловьёва, никто не сумел повторить его гражданский подвиг: так тщательно, детально, подробно изучить события отечественной истории, а главное, показать их внутреннюю логику и связь, их причины и следствия, так ясно изложить факты, так подробно исследовать явления российской жизни. И пусть страницы этой книги шаг за шагом ведут читателя по пути, когда-то начертанному для себя ее автором: "Выучиться самому, чтобы дать средство другим знать основательно свою историю"

ISBN 978-5-4241-1463-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С. М. Соловьёв, 2021

Сергей Михайлович Соловьев
«История России с древнейших
времен»
Книга V. 1613-1657

Девятый том

Глава первая

Царствование Михаила Феодоровича

Посольство от собора к новоизбранному царю. — Наказ послам. — Переговоры послов с Михаилом и его матерью. — Причины, почему новый царь не мог бояться участи своих предшественников. — Выезд Михаила из Костромы в Ярославль. — Переписка его с собором и боярами из Ярославля и с дороги из этого города в Москву. — Въезд Михаила в Москву. — Его царское венчание. — Бедственное состояние государства при вступлении на престол Михаила. — Грамоты царя и собора по городам и к Строгановым. — Дело Шульгина. — Война с Заруцким. — Переписка правительства с козаками. — Ссора Заруцкого с астраханцами и Терским городом. — Действие стрелецкого головы Хохлова против Заруцкого. — Поимка Заруцкого. — Казнь его, сына Марины и Андропова, смерть Марины. — Движения воровских козаков на севере. — Действия против них князя Лыкова. — Восстание татар и черемисы в понизовых городах. — Сношения с Польшею. — Посольство туда Аладына. — Военные действия: взятие Белой московскими войсками, неудачная осада Смоленска. — Война с Лисовским. — Действия и гибель черкас на севере. — Грамота панов радных к боярам. — Посольство Желябужского в Польшу и свидание его с Филаретом Никитичем. — Неудачные переговоры под Смоленском. — Сношения с Австриею, Турциею, Персиею, Крымом. — Посольство в Голландию и Англию. — Приезд английского посла Джона Мерика с целью содействовать заключению мира между Россиею и Швециею. — Положение Новгорода Великого под шведским владычеством. — Военные действия против шведов. — Оборона Тихвина. — Неудача Трубецкого и Мезецкого. — Взятие Гдова Густавом-Адольфом. — Неудачная осада Пскова. — Дедеринские переговоры при посредничестве английского и голландских послов. — Столбовский мир. — Очищение Новгорода. — Переговоры с Мериком, награды ему. — Взгляд Густава-Адольфа на Столбовский мир. — Посольство князя Борятинского в Швецию для окончательного подтверждения мира (1613—1617)

Провозгласивши царем шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, собор назначил ехать к нему в челобитчиках: Феодориту, архиепископу рязанскому, трем архимандритам — чудовскому, новоспасскому и симоновскому, троицкому келарю Авраамию Палицыну, трем протопопам, боярам — Федору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодого царя, и князю Владимиру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окольничему Федору Головину с стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми из городов. Собор не знал подлинно, где находился в это время Михаил, и потому в наказе, данном послам, говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всяя Руси в Ярославль или где он, государь, будет». Посланные, бив челом новоизбранному царю и его матери и уведомив их об избрании, должны были говорить Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилиться над остатком рода христианского,

многорасхищенное православное христианство Российского царства от растреления сыроядцев, от польских и литовских людей, собрать воедино, принять под свою государеву паству, под крепкую высокую свою десницу, всенародного слезного рыдания не презреть, по изволению божию и по избранию всех чинов людей на Владимирском и на Московском государстве и на всех великих государствах Российского царствия государем царем и великим князем всея Руси быть и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву и подать нам благородием своим избаву от всех находящихся на нас бед и скорбей; а как ты, государь, на своем царском престоле буешь на Москве, то, послыша про твой царский приход, литовские люди и все твои государевы недруги будут в страхе, а Московского государства всякие люди обрадуются. А как твой, государев, подвиг в царствующий град будет, то из Москвы митрополит и архиепископы с всем освященным собором, бояре и всякие люди встретят тебя с чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебе, государю, и прямить, и головы свои за тебя класть все люди от мала до велика рады». В заключении наказа говорилось: «Если государь не пожалует, станет отказывать или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он, государь, про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы выехали из Москвы 2 марта, но еще прежде, от 25 февраля, разосланы были грамоты по городам с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, — писал собор, — за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Федоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась — быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу; бог его, государя, на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости; всем людям о его избрании бог в сердце вложил одну мысль и утверждение». Вместе с этим известием разослана была и крестоцеловальная запись, в которой нет ничего о порче на следу и тому подобных вещах, встречаемых в годуновской записи. Присяга областей последовала быстро: уже 4 марта воевода Переяславля Рязанского дал знать в Москву, что жители его города присягнули Михаилу; за этим известием последовали другие — из областей более отдаленных. Наконец пришло известие от послов соборных, которые нашли Михаила с матерью в Костроме, в Ипатьевском монастыре. Послы доносили собору, что 13 марта они приехали в Кострому к вечеру, дали знать Михаилу о своем приезде и он велел им быть у себя на другой день. Послы повестили об этом костромскому воеводе и всем горожанам и 14 числа, поднявши иконы, пошли все с крестным ходом в Ипатьевский монастырь. Михаил с матерью встре-

тили образа за монастырем, но когда послы объявили им, зачем присланы, то Михаил отвечал «с великим гневом и плачем», что он государем быть не хочет, а мать его Марфа прибавила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотели войти за крестами в соборную церковь; насилу послы могли упросить их. В церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты от собора и говорили речи по наказу, на что получили прежний ответ; Марфа говорила, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили». Марфа упомянула об измене Годунову, об убийстве Лжедмитрия, сведении с престола и выдаче полякам Шуйского, потом продолжала: «Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?» Потом Михаил и Марфа говорили, что быть ему на государстве, а ей благословить его на государство только на гибель; кроме того, отец его митрополит Филарет теперь у короля в Литве в большом утеснении, и как сведает король, что на Московском государстве учинился сын его, то сейчас же велит сделать над ним какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословения отца своего на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и били челом Михаилу, чтоб соборного моления и челобитья не презрил; выбрали его по изволению божию, не по его желанью, положил бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах. А прежние государи: царь Борис сел на государство своим хотеньем, изведши государский корень царевича Димитрия, начал делать многие неправды, и бог ему мстил кровь царевича Димитрия боготступником Гришкою Отрепьевым: вор Гришка-расстрига по своим делам от бога месть принял, злою смертью умер; а царя Василья выбрали на государство немногие люди, и, по вражью действию, многие города ему служить не захотели и от Московского государства отложились; все это делалось волею божиею да всех православных христиан грехом, во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие. А теперь Московского государства люди *наказались* все и пришли в соединение во всех городах. Послы молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часа дня до девятого, говорили, чтоб он воли божией не снимал, был на Московском государстве государем. Михаил все не соглашался; послы стали грозить ему, что бог взыщет на нем конечное разоренье государства; тогда Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на праведные и непостижимые судьбы божи; Марфа благословила сына, Михаил принял посох от архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что поедет в Москву скоро.

Слова Феодорита с товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства наказались и пришли в соединение, — эти слова были вполне справедливы. Страшным

опытом люди Московского государства научились, что значат рознь и шатость, развязывающие *руки вора* . Земские люди имели столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и будут в состоянии поддержать нового государя, несмотря на отсутствие материальных средств, на которое указывала Марфа. Казны нет и взять неоткуда, ибо государство разорено, земля наполнена воровскими козаками, не знающими меры своему буйству; Заруцкий грозит с юго-востока, шведы и поляки — с запада; новый государь — неопытный, мягкий молодой человек, около которого нет людей сильных умом и доброю волею, и несмотря на все это, Михаил удержался на престоле: при первой опасности, при каждом важном случае подле царя видим собор, одушевленный тою же ревностью, с какою *последние люди* шли на очищение государства. До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, восстанавлившего наряд, до какой степени лучшие люди наказались в этом отношении, показывал всего лучше подвиг Сусанина. Когда Михаил, выехавши из Москвы после сдачи Кремля, жил в Костроме, отряд поляков (как говорит грамота, но по всем вероятностям, воровских козаков, ибо поляков не было тогда более в этих местах), узнавши об избрании нового царя, отыскивал место его пребывания с целью умертвить нежеланного им восстановителя наряда; в этих поисках враги схватили крестьянина Ивана Сусанина из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показание, где скрывался Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

19 марта выехал Михаил из Костромы в Ярославль, куда приехал 21 числа. В другой раз Ярославль становился местом великого стечения народного, местом великого торжества: недавно его жители видели ополчение Пожарского, теперь видели желанный конец подвигов этого ополчения. Ярославцы и съехавшиеся к ним отовсюду дворяне, дети боярские, гости, люди торговые с женами и детьми встретили нового царя, подносили ему образа, хлебы, дары и от радости не могли промолвить ни слова. 23 марта Михаил писал в Москву к собору, говорил, как были у него в Костроме послы, как он долго отказывался от престола: «У нас того и в мыслях не бывало, что на таких великих государствах быть, по многим причинам, да и потому, что мы еще не в совершенных летах, а государство Московское теперь в разоренье, да и потому, что Московского государства люди по грехам измалодушествовались, прежним великим государям не прямо служили. И, видя такие прежним государям крестопреступления, позоры и убийства, как быть на Московском государстве и прирожденному государю, не только мне?» В заключение, уведомив о своем согласии, Михаил прибавляет: «И вам бы, боярам нашим, и всяким людям, на чем нам крест целовали и души свои дали, стоять в крепости разума своего, безо всякого позыбания нам служить, прямить, воров царским именем не называть, вора не служить, грабежей бы у вас и убийств на Москве и в городах и по дорогам не было, быть бы вам между собою в соединенье и любви; на чем вы нам души свои дали и крест целовали, на том бы и стояли, а мы вас за вашу правду и службу рады жаловать».

Собор отвечал, что все люди со слезами благодарят бога, молятся о царском здоровье, и просил: «Тебе бы, великому государю, нас, сирых, пожаловать, быть в царствующий град поскорее»; о том же писал собор и к послам своим, Феодо-

риту с товарищами, прося дать знать, когда государь будет у Троицы и где прикажет себя встретить. Но из Ярославля приехал князь Троекуров с запросом собору: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь наполниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам? Бьют государю челом стольники, дворяне и дети боярские, что у них дворцовые села отписаны и государю от челобитчиков доука большая: как с этим быть? чтоб на Москве и по дорогам грабежей никаких не было! Дворяне и дети боярские и всякие люди с Москвы разъехались — великому государю неизвестно, по вашему ли отпуску они разъехались или самовольством?» Собор отвечал: «Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного. О грабежах и воровствах заказ учинен крепкий, воров и разбойников сыскиваем и велим их наказывать. Дворян и детей боярских без государева указа с Москвы мы никуда не отпустили, а которые разъехались по домам, тем всем велено быть к государеву приезду в Москву». Прошел март; 1 апреля собор опять написал к послам своим — Шереметеву с товарищами, чтобы доложили государю, когда он будет в Москву и где его встречать. 8 апреля царь отвечал на это следующею грамотою: «Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов; по этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш. Сборщики, которые посланы вами по городам для кормов, в Москву еще не приезжали, денег ни в котором приказе в сборе нет, а Московское государство от польских и литовских людей до конца разорено, города и уезды многие от войны запустели, наши дворцовые села и волости розданы были в поместья и запустошены, а иные теперь в раздаче; и на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба собирать не с кого. Атаманы и козаки беспрестанно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их пожаловать нечем и кормов давать нечего. Мы, по вашему челобитью и по челобитью всех чинов людей, идем к Москве вскоре, а которого числа из Ярославля пойдем, о том мы к вам велим отписать. И вам бы, богомольцам нашим, и боярам, и окольничим, и приказным людям о том приговор учинить с стольниками, стряпчими, с дворянами московскими, с дворянами и детьми боярскими из городов, с атаманами, козаками, стрельцами, с гостями, торговыми и всякими жилецкими и приезжими людьми: чем нам всяких ратных людей жаловать, свои обиходы наполнить, бедных служилых людей чем кормить и поить, ружникам и оброчникам всякие запасы откуда брать? И об этом учинить вам полный приговор и к нам отписать вскоре. Вам самим ведомо: учинились мы царем по вашему прошению, а не своим хотением, крест нам целовали вы своею волею: так вам бы всем, помня свое крестное целованье, нам служить и о всяком деле радеть, и приговор свой учинить, как тому всему быть. Сами ведаете: недруги наши польский и литовский и немецкий король многими городами государства нашего завладели и в тех городах сидят их люди, а по вестям ждем прихода литовских и немецких людей под свои города вскоре, а под Торопцом литовские люди теперь стоят, и Торопцу ниоткуда помощи нет. Да многие дворяне и дети боярские бьют нам челом о поместьях, что вы у них поместья отнимаете и раздаете в раздачу

без сыску: и вам бы те докуки от нас отвести и велеть дворян и детей боярских в поместных и вотчинных делах расправлять по сыску в правду, чтоб нам о том не били челом».

До сих пор царь переписывался с собором, но 11 апреля писали к нему одни бояре, опять Федор Иванович Мстиславский с товарищами, что в городах воевод нет, а без воевод городам быть нельзя; бьют челом атаманы, козаки и стрельцы о корме, сказывают, что прежде для них сбирали кормы с дворцовых и монастырских сел. Мы, пишут бояре, стали было отпускать воевод в города и кормы собирать; но воеводы, атаманы, стрельцы и козаки говорят, что воеводы отпускаются по городам, и сборщики кормов по селам от государя: и мы воевод и сборщиков посылать без твоего государева указа не смеем. Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля и 17-го приехал в Ростов, откуда 19-го намерен отправиться дальше к Москве. «А идем медленно затем, — писал царь, — что подвод мало и служилые люди худы: стрельцы, козаки и дворовые люди многие идут пешком». Но и после этого Михаил двигался очень медленно: 25 апреля писал он со стану из села Любимова, что многие стольники, стряпчие и жильцы, обязанные сопровождать его, до сих пор не явились, и он приказывает боярам отписать у этих нетчиков поместья и вотчины; число нетчиков простиралось до 42. Царь писал также боярам, чтоб они приказали приготовить для него Золотую палату царицы Ирины к мастерскими палатами и сенями, а для матери его деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского; бояре отвечали, что приготовили для государя комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа; тех же хором, что государь приказал приготовить, скоро отстроить нельзя, да и нечем: денег в казне нет и плотников мало; палаты и хоромы все без кровли, мостов, лавок, дверей и окошек нет, надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть.

Открылось еще новое затруднение, новое неудовольствие молодого царя: 28 апреля Феодорит и Шереметев писали собору: «Писал к вам государь много раз, чтоб у вас на Москве, по городам и по дорогам убийств, грабежей и никакого насильства не было; а вот 23 апреля пришли к государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных городов, переграблены донага и сечены, в распросе сказали, что одни из них посланы были к государю с грамотами, другие — по городам собирать дворян и детей боярских и высылать на службу: и на дороге, на Мытищах и на Клязьме, козаки их перехватили, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали; а стоят эти воры на Мытищах, другие — на Клязьме, человек их с 200, конные и пешие. Писали государю из Дмитрова приказные люди, что прибежали к ним из сел и деревень крестьяне, жженные и мученные огнем, жгли их и мучили козаки; 26 апреля эти воры пришли и в Дмитров на посад, начали было его грабить, но в то время случились в Дмитрове дворяне и дети боярские, козаки кормовые и торговые, и они им посада грабить не дали, с ними бились; и от этих воров дмитровцы, покинув город, хотят все брести врознь, а по селам и деревням от воров грабежи и убийства большие. Козаки, посланные в разные места на службу, берут указные кормы, да, сверх кормов, воруют, проезжих всяких людей по дорогам и крестьян по селам и деревням бьют, грабят,

пытают, огнем жгут, ломают, до смерти побивают. И 26 апреля государь и его мать у Троицы на соборе говорили всяких чинов людям с большим гневом и со слезами, что воры кровь христианскую льют беспрестанно; выбрали его, государя, всем государством, обещались служить и прямиить и быть всем в любви и соединении; а теперь на Москве, по городам и по дорогам грабежи и убийства; позабыв добровольное крестное целованье, воры дороги все затворили гонцам, служилых и торговых людей с товарами и ни с какими запасами не пропускают. И государь и мать его, видя такое воровство, из Троицкого монастыря идти не хотят, если всех чинов люди в соединение не придут и кровь христианская литься не перестанет. Государь и мать его нам говорили: вы нам били челом и говорили, что все люди пришли в чувство, от воровства отстали, так вы нам били челом и говорили ложно. И мы, господа, слыша такие слова от государя и опалу, стали в великой скорби и с соизволения государя послали к вам выборных из всяких чинов сказать вам, чтоб вы, помня души свои и крестное целованье, воров сыскивали, от воровства и грабежа их уняли». О том же писал собору и сам царь: «Можно вам и самим знать, — говорится в царской грамоте, — если на Москве и под Москвою грабежи и убийства не уймутся, то какой от бога милости надеяться? Никакие люди в Москву ни с какими товарами и с хлебом не поедут, дороги все затворятся, и если не будет из Москвы в города, а из городов в Москву проезду, то какому добру быть? Да и то нам подлинно известно, которые гости, торговые и всякие жилецкие люди в московское разоренье разбежались из Москвы по городам, а теперь велено им с женами, детьми и со всем имением ехать в Москву, и отданы они в том на крепкие поруки; и те все люди для убийства и грабежей в Москву ехать не смеют». Царь или его мать не удовольствовались и ответом бояр насчет невозможности отделать кремлевские палаты к их приезду, от 29 апреля царь писал боярам: «По прежнему и по этому нашему указу велите устроить нам Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусняных хором царя Василья; вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромех матери нашей жить не годится».

30 апреля собор приговорил: боярам князю Ивану Михайловичу Воротынскому да Василью Петровичу Морозову, окольному князю Мезецкому и дьяку Иванову с выборными из всяких чинов ехать к государю, бить челом, чтоб он умилился над православными христианами, походом своим в Москву не замешкал; а про воровство про всякое митрополит и бояре заказ учинили крепкий, атаманы и козаки между собою уговорились, что два атамана чрез день осматривают каждую станицу и, чье воровство сыщут, тотчас про него скажут и за воров в челобитчиках быть не хотят; в Москве во всех слободах и в козачьих таборах велели заказ крепкий учинить, чтоб воровства и корчем не было нигде, обезжких голов по улицам расписали, а где воры объявятся по дорогам, то на них станут из Москвы посылать посылки. Воеводы ополчения — князь Трубецкой и князь Пожарский послали царю челобитную: «Были мы, холопи твои, Митька Трубецкой и Митька Пожарский, на твоей государственной службе под Москвою, голод и нужду великую терпели, и в приходы гетманские в крепких осадах сидели, с разорителями веры христианской бились, не щадя голов своих, и всяких людей на то приводили, что, не увидя милости божией, от Москвы не отхаживать. Милостью божиею и всяких людей прямою службою и кровью Московское го-

сударство очистилось и многие люди освободились; а теперь приходят к нам стольники, стряпчие, дворяне московские, приказные люди, жильцы, городовые дворяне и дети боярские, которые с нами были под Москвою, и бьют челом тебе, государю, чтоб им видеть твои царские очи на встрече; но мы, без твоего государева указа, на встречу к тебе ехать не смеем, ожидаем от тебя милости и указа, как ты нам повелишь».

Посланные от собора, князь Воротынский с товарищами, нашли Михаила в селе Братовщине, на половине дороги от Троицкого монастыря к Москве. Государь и мать его, выслушав их челобитье, сказали милосердное слово, что будут на последний стан от Москвы, в село Тайнинское, 1 мая, а в Москву въедут 2 мая. В этот день, в воскресенье, поднялись в Москве всяких чинов люди, от мала до велика, и вышли за город на встречу к государю. Михаил и мать его слушали молебен в Успенском соборе, после чего всяких чинов люди подходили к руке царской и здравствовали великому государю.

11 июля происходило царское венчание. Перед тем как идти в Успенский собор, государь сидел в Золотой подписной палате, и тут сказано было боярство двоим стольникам: родственнику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, и вождю-освободителю, князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому; у сказки последнему назначен был стоять думный дворянин Гаврила Пушкин, который бил челом, что ему у сказки стоять и меньше князя Дмитрия быть невместно, потому что его родственники меньше Пожарских нигде не бывали. Государь указал для своего царского венца во всяких чинах быть без мест и велел этот свой указ при всех боярах в разряд записать. Выступил дьяк Петр Третьяков и объявил, что боярин князь Мстиславский будет осыпать государя золотыми, боярин Иван Никитич Романов будет держать шапку Мономахову, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой — скипетр, новый боярин князь Пожарский — яблоко, и опять послышалось обычное челобитье: Трубецкой бил челом на Романова, что ему меньше его быть невместно. Государь сказал Трубецкому: «Известно твое отечество перед Иваном, можно ему быть тебя меньше, но теперь быть тебе меньше его потому, что мне Иван Никитич по родству дядя; быть вам без мест». Когда дело таким образом уладилось, государь пошел в соборную церковь, где венчался царским венцом от казанского митрополита Ефрема. На другой день, 12 июля, праздновались царские именины (св. Михаила Малеина); для этого торжества пожаловал государь в думные дворяне Кузьму Минина.

Милостей, льгот народу новый государь не мог дать для торжества своего царского венчания: казна была пуста; а между тем обстоятельства были тяжелые. 24 мая царь принужден был писать Строгановым: «Бьют нам челом на Москве дворяне и дети боярские, козаки, стрельцы и всякие ратные люди, что они, будучи под Москвою, многие нужды и страсти терпели и кровь проливали, поместья и вотчины у них от долгой войны запустели и службы своей исполнять им нечем; стрельцы и козаки служивую рухлядь проели, и на нашей службе им быть нельзя за великою бедностью; в казне нашей денег и хлебных запасов в житницах нет, служивым людям жалованья дать нечего. Выходцы и языки в расспросе боярам нашим сказывают, что литовские люди хотят идти под Москву, а в нашей казне денег и в житницах хлеба нет нисколько. Сколько вы с своих вотчин в нашу казну денежных доходов платите, нам про то подлинно не ведомо; и теперь по нашему указу послан к вам Андрей Игнатъевич Вельяминов; велено ему с ваших